

Вскоре после этого Ян Цили появился на еще одном небольшом грунтовом склоне, где находились несколько его отрядов.

Кроме пятерых погибших, прикрывавших этого несчастного Чжу Чунчэня, всего было еще двадцать пять человек.

Они использовали лес, чтобы спрятаться или лечь, и экономили силы для операции.

Маскировка была куском пирога для членов команды, и после того, как они были хорошо спрятаны, даже их товарищи рядом с противоположной стороны должны были бороться, чтобы найти друг друга.

В ста шагах от них, на небольшом грунтовом склоне, было три импровизированные палатки, с десятками лошадей, прикрученными болтами к борту, и большие и маленькие пакеты висели с обеих сторон лошадей.

Снаружи палатки был костер, а над костром был построен гриль, и свинью жарили на гриле.

Группа солдат Цин сидела у костра, они разворачивали свои хлопчатобумажные доспехи и постоянно размахивали захваченными мешочками, очевидно, очень горячими.

Когда я впервые оказалась в больнице, мне пришлось несколько дней ехать в больницу, а потом я поехала в больницу. Как они смеют до сих пор нагло жарить здесь мясо, нисколько не беспокоясь о том, что кто-то нападет, я вижу, что скаутский конь готовится съесть отрубленную голову".

Ян Цили сразу же начал принимать меры, двадцать пять человек разделились на пять групп, две группы атаковали с фронта, две группы атаковали с фланга слева и справа, одна группа устроила засаду на зачистные войска. Путь к бегству. Как только из сети вырвались солдаты Цин, они должны были разобраться с ними, что-то похожее на игру "Осада трех королей".

После их назначения первый пост ночи, которому принадлежал Ян Цили, сразу же переместился сам по себе, готовый нанести удар.

Среди тридцати цинских солдат было пять солдат в белых доспехах, десять солдат в лошадях и пятнадцать солдат на войне. Первоначально это были три отряда, которые встретились по дороге в погоню за бежавшей богатой семьей, поэтому они временно собрались вместе, планируя поесть и поговорить о том, как Пеннивайз.

Как лошади-разведчики армии Цин, они заработали на этом пути нечто большее, чем небольшое состояние, воспользовавшись обнаружением движений армии Мин, чтобы разграбить флот богатых семей, спасающихся бегством за свою жизнь.

Окружающие войска Мин, когда они столкнулись с ними, спрятались в городе один за другим, так что они были еще более недобросовестными и даже не нужно было больше ничего разведывать.

В то время как эта группа из тридцати цинских армейских разведчиков ела жареное мясо и спорила о том, чтобы поделить деньгами, внезапно с выстрелом в голову белого бронетанкового солдата появилась кровавая дыра размером с трещину, орущую на бедро и кричащую, и умерла на месте после нескольких подергиваний.

Почти в то же время, всплеск стрельбы продолжал поражать оставшихся солдат Цин

свинцовыми пулями, эти свинцовые пули не были плотными, но все они летели к жизненно важным частям Цин солдат, как глаза.

Солдаты-разведчики из Цин были расстреляны один за другим и продолжали падать на землю, либо погибшие, либо тяжело раненные.

Все это произошло в доли секунды, и разведчики солдат Цин впали в панику. Многие из них сразу же упали на землю после того, как были ошеломлены, увернувшись от свинцовых пуль, при этом постоянно оглядываясь вокруг, чтобы наблюдать за ситуацией.

После раунда стрельбы, звук мушкетов наконец остановился, и ночь не закончилась, и ночь начала перезаряжаться. Под сигналами рук лидеров групп, четыре атакующие группы также начали медленно двигаться в сторону армейской палатки Цин.

После долгого периода напряженной тренировки члены Longchamp могли заряжать порох закрытыми глазами, и постепенно расстояние между двумя сторонами закрывалось более чем на 60 шагов.

Лошади-разведчики армии Цин не были посредственными, все они были прекрасными всадниками, и хотя они подверглись внезапному нападению и потеряли более половины из них, они все же были очень упрямы.

Увидев, что другая сторона находится в пределах досягаемости лука и стрел, они тут же согнули лук и расстреляли стрелы. Несколько стрел вызвали два быстрых свистка, два из которых попали в два ночных соответственно.

Не все в армии Цин умели стрелять на шестидесяти шагах, и уже считалось, что умело бить противника на шестидесяти шагах, но они не поражали Ебугао со смертельным исходом.

Кроме того, Юбугшу Лонгчамп был хорошо экипирован, и стрелы проникали только через броню, но не во плоть.

Двое раненых Ночные Соловьи закрыли свои раны и ошарашили их на несколько шагов назад, затем случайно вытащили стрелы и продолжили свой путь.

После жестов различных лидеров группы, ночи каждый цеплялся за землю, чтобы найти место, чтобы спрятаться, и не говорил, все с жестами рук, чтобы показать свои намерения.

После нескольких жестов, несколько ночей был хороший конец мушкета, направленного на двух выставленных наблюдения Цин солдат, после нескольких выстрелов, два "стоячие" прямо в голову.

Оставшуюся часть ночи не удалось собрать, чтобы спуститься вниз, ползая по склону холма.

Несколько солдат Цин на склоне очень взволнованы, как не ожидали встретить армию Мин, чтобы играть с огнестрельным оружием так хорошо.

Под командованием белого бронированного солдата птичьего языка, несколько солдат Цин побежали в сторону палатки на лошади, сальто на лошади, затем скакать вниз по склону, во время езды против нескольких ползучих ночью, чтобы не собирать стрелы, дать полную игру для верховой езды экспертизы.

Специальность неплохая, поставленная во второй части экзамена также может добавить

именем, строго говоря, маньчжурский язык не является "именем" слова.

Согласно записи короля Кейге принца Жунчунь Юнцзи, седьмой внук короля Кейге сбил бутылку в "Ким Цю сбил бутылку на маньчжуре в Пекине", слова для вызова матери на языке маньчжура были в основном: лоб, лоб неи, и неи.

Поскольку имя Епi похоже на Enniang, "Enniang" позднее было использовано специально для обращения к матерям-наложницам.

<http://tl.rulate.ru/book/41393/913846>